

421952
434

18

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
СТАБИЛЬНОСТИ

45

ИННОВАЦИИ НА
ТРАНСПОРТЕ:
ЭЛЕМЕНТЫ РОСТА

60

ПРАВОВАЯ ОХРАНА
РЕЗУЛЬТАТОВ
НИОКР

69

ОТ МУНДШТУКА
ДО
РАКЕТЫ

1413

НАУКА И ИННОВАЦИИ

научно-практический журнал

№ 4(50)_2007

ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В ходе совершенствования электронной техники и цифровых технологий, выразившегося в бурном развитии средств массовой коммуникации, в особенности телевидения, в создании и широком распространении персональных компьютеров, в построении глобальных информационных сетей, в разработке технологий виртуальной реальности и других технологических инноваций, изменились представления людей и их потребности. Да и общественные отношения претерпели существенную трансформацию: переход от постиндустриальной экономики к инновационной и распространение нового типа умонастроений и мироощущений сформировали современную социокультурную реальность. Поэтому ее изучение должно стать главной темой XXI в. Только знание социального статуса личности, социальных общностей и общества в целом, выработка научно обоснованной социальной политики и успешное использование данных социологии в других общественных науках способны повлиять на будущее человечества и не дать сбыться футуристическим предсказаниям, которые представляют собой довольно мрачную картину, наполненную различными катаклизмами. Разве к такому идеалу стремится человечество? Разве манипуляция потребностями людей, ставшая одним из определяющих процессов становления современной экономики, формирующая общество потребления, является основной? А как же духовность? Разобраться с этими непростыми вопросами мы попытались в основной теме номера «Общество в зеркале социологии».

На каких бы проблемах мы ни концентрировали внимание, все они имеют единую составляющую — нормативно-правовую базу, которая либо способствует решению проблемы, либо ее тормозит. О разработанных в стране экономико-правовых механизмах в области использования результатов научно-технической и инновационной деятельности, направленных на стимулирование, создание и практическое применение новшеств, читайте в рубрике «Синергия знаний».

НАУКА И ИННОВАЦИИ №4(50)_2007

Зарегистрирован в
Министерстве информации
Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации
1969 от 16.01.2003

Учредитель:
Национальная академия наук
Беларуси

Издатель:
РУП «Издательский дом
«Белорусская наука»

Главный редактор:
Жанна Комарова

Редакционный совет:

В.И. Тимошпольский —
председатель совета
В.И. Стражев,
С.В. Абламейко,
Н.В. Андрианов,
И.Д. Волотовский,
М.С. Высоцкий,
В.Г. Гусаков,
Ж.В. Комарова,
Н.П. Крутько,
В.Е. Матюшков,
М.И. Миходюк,
П.Г. Никитенко,
Г.Б. Сви́дeрский,
С.П. Ткачев,
В.В. Цепкало,
И.П. Шейко,
А.П. Шкадаревич,
Б.М. Хрусталеv

Ведущие рубрик:

Общество в зеркале
социологии —
Владимир Лебедев
В мире науки —
Зоя Лысенко
Инновации —
Марианна Вошула
Синергия знаний —
Ирина Емельянович

Над номером работали:

Виталий Студент
Геннадий Коршунов
Наталья Семашко
Стиль-редактор:
Анна Хартман

Компьютерная верстка:

Елена Забавская
Коллаж на 1 стр. обложки
Елена Забавская

Адрес редакции:

220072, г. Минск,
ул. Академическая, 1-129
Тел.: (017) 284-14-46

E-mail: belscience@mail.ru

Электронная версия:

www.ac.by/publications/nauka

Подписные индексы:

007532 (ведомственная),
00753 (индивидуальная)
Формат 60X84 1/8. Бумага
офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,0. Тираж 610 экз.

Цена договорная.

Подписано в печать 12.04.2007.

Отпечатано в типографии

РУП «Минсктиппроект»

220123, Минск, ул. В. Хоружей, 13,
тел. 288-60-88.

Лицензия ЛП №02330/0131685
от 29.03.2004. Заказ № 543

© «Наука и инновации»

При перепечатке и цитировании ссылка
на журнал обязательна. За содержание
рекламных объявлений редакция
ответственности не несет.
Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов статей. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются.

БИБЛИОТЕКА
БГУ

В НОМЕРЕ 4(50)_2007

ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

- 6 Владимир Лебедев
ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН, ИЛИ О ПОЛЬЗЕ СОЦИОЛОГИИ
- 8 Владимир Лебедев
ЦЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ, ПОДХОД — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
- 10 Ирина Емельянович
СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА
- 13 Ирина Емельянович
СОЦИОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
- 15 Виталий Студент, Геннадий Коршунов, Владимир Лебедев
КАК ИЗМЕРИТЬ ИНТЕРЕС?
- 18 Давид Ротман, Лариса Соглаева
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СТАБИЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ
- 22 Владимир Лебедев
СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО. ТОЧКА ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФА

В МИРЕ НАУКИ

- 25 Виктор Ипатьев, Николай Максименко, Николай Булко, Николай Митин, Марина Шабалева, Николай Веремеенко
ОЧИЩЕНИЕ ЛЕСНЫХ ФИТОЦЕНОЗОВ ОТ ДОЗООБРАЗУЮЩИХ РАДИОНУКЛИДОВ
- 32 Надежда Пивень, Людмила Лухверчик, Татьяна Мохорт, Елена Кузьменкова, Николай Денисевич
ДОНОЗОЛОГИЧЕСКИЙ СКРИНИНГ И МОНИТОРИНГ — ОСНОВА ПРОФИЛАКТИКИ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ
- 39 Татьяна Рыбина
ТРУД И ЗДОРОВЬЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

ИННОВАЦИИ

- 45 Жанна Комарова
ИННОВАЦИИ НА ТРАНСПОРТЕ: ЭЛЕМЕНТЫ РОСТА
- 51 Валерий Байнев
РЫНОК ИЛИ ИННОВАЦИИ?
- 57 Алексей Скаленко
ГЛОБАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

СИНЕРГИЯ ЗНАНИЙ

- 60 Александр Коршунов
О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ НИОК(Т)Р
- 63 Александр Енин, Игорь Ковалевич
СЕКРЕТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ
- 67 Владимир Колотухин
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИННОВАЦИЙ И ПРОИЗВОДСТВА

Валерий Байнев

профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор

фото Натальи Семашко

РЫНОК или инновации?

В последние 10—15 лет в научной, образовательной, чиновничьей, производственной среде переходных стран об инновациях не говорит и не пишет разве что ленивый. Интенсивная, с годами лишь усиливающаяся риторика о необходимости перехода к инновационной модели развития без преувеличения является ровесницей суверенитета всех без исключения стран бывшего СССР. И действительно, фундаментальным недостатком субъектов хозяйствования, находящихся в условиях «командно-административного диктата», идеологи рыночно-капиталистического реформирования неизменно обозначали их низкую инновационную восприимчивость. В связи с этим главной целью перехода от планово-социалистического «застоя» к рыночно-капиталистическому «взлету» декларировался резкий рост инновационной активности экономических систем всех уровней, поставленных в условия рыночной конкуренции.

Сегодня, как и на заре рыночно-капиталистических реформ, суливших государству со второй в мире экономикой быстрый, едва ли не за 500 дней, переход на недостижимые даже для США высоты, вопросам формирования инновационной экономики с завидной регулярностью посвящаются форумы, конференции, симпозиумы, семинары, устраиваются ярмарки, салоны, бутики инноваций. Ныне в любой постсоветской стране приняты десятки нормативно-правовых актов, защищены сотни диссертаций, опубликованы тысячи монографий и научных статей по проблемам инноватики, имеющим своей целью создание максимально комфортных условий для инновационной деятельности.

Однако на протяжении почти двух десятилетий активного рыночного реформирования беспристрастная статистика вместо взрывного роста инновационной активности неумолимо фиксирует низкий уровень развития научно-технической и инновационной сфер большинства переходных стран [1]. Поэтому в данной статье мы попытаемся дать ответ на чрезвычайно актуальный и весьма непростой вопрос: почему благие намерения и столь активные усилия в направлении формирования инновационной экономики в трансформирующихся государствах остаются всего лишь красивой, неплохо «обнаученной», но все же очень далекой от практического воплощения риторикой?

Все дело, на наш взгляд, в том, что на рубеже тысячелетий западная цивилизация, которая, как известно, нацелена на максимально полное удовлетворение потребностей индивидуума, оказалась в глубоком кризисе. Представляемый многими в качестве

панацеи от всех бед рыночный механизм в своем стремлении удовлетворить безграничные потребности приверженного его светлым идеалам «золотого миллиарда» неожиданно лицом к лицу столкнулся с лимитами природы — энергетической, сырьевой, экологической, продовольственной, демографической и прочими проблемами. Рано или поздно указанный конфликт должен был возникнуть, поскольку так называемый развитый мир — 20% населения планеты — обеспечивает себе высочайший уровень потребления за счет расходования 80—90% всех природных ресурсов.

Элита экономического авангарда, не желающая снижать привычно высокие стандарты уровня своей жизни, с целью получения доступа к природным богатствам других государств активно вынуждена прибегать к внешней экспансии — захвату чужих ресурсов посредством обмана или путем прямого применения силы.

В новейшей истории имеется немало примеров того, насколько умело просвещенный Запад пользуется этими инструментами. Например, инициировав аферу века — шоковые рыночные реформы и поспешную приватизацию в РФ, именуемую «прихватазацией» и «пиратизацией» (имеется в виду книга М. Голдмана «Пиратизация в России»), «золотой миллиард» обеспечил переход российских природных богатств под контроль прозападного компрадорского капитала. В свою очередь, этот капитал организовал масштабную «выкачку» природных ресурсов в развитые страны, выведя в 2004 г. Россию на «почетное» для технотронной экономики первое место в мире по экспорту энергоресурсов. Однако «высший пилотаж» внешней экспансии Запада в случае с Россией заключается в том, что компрадорская элита последней отладила механизм массовой отправки за границу не только сырья, но и выручки от его продажи. Сегодня российское донорство осуществляется как в форме прямого вывоза капиталов в размере 20—30 млрд долл. США в год, так и вполне официально, что называется на правительственном уровне, в составе пресловутого стабилизационного фонда.

Лидеры мировой экономики, действуя через активно финансируемую ими «пятую колонну», так заправляют рыночными реформами в переходных странах, что затяжные экономические кризисы последних превратились в щедрые источники ресурсов для стран мировой экономической элиты [2]. По оценкам специалистов, из одной только России в период ее активного «рыночного оздоровления» на Запад в форме прямого бегства капиталов, утечки мозгов, экспорта сырья и энергоресурсов по явно заниженным ценам было выведено не менее 800 млрд долл. США, из которых 70% достались США [3].

Разумеется, обладающие колоссальной военной и финансовой мощью лидеры мировой экономики в полном соответствии с законами рыночной конкуренции кровно заинтересованы во всемерном ослаблении и разрушении научно-технического и инновационно-промышленного потенциалов своих конкурентов, включая страны бывшего СССР, который еще совсем недавно на равных соперничал с самими США в некоторых направлениях научно-технического прогресса. Приходится признать, что важнейшим

фактором достижения этой цели является распространение в трансформирующихся государствах рыночно-капиталистической идеологии, где термин «переходная экономика» давно превратился в своеобразный штамп, без каких-либо дополнительных пояснений подразумевающий *переход именно к рыночной экономике*. При этом безраздельно господствующий в экономической науке переходных стран неоклассический мейнстрим безапелляционно провозглашает рыночный механизм, основанный на индивидуализме и либерализме конкурирующих друг с другом субъектов хозяйствования («война всех против всех»), в качестве единственно возможного способа максимально эффективного использования ограниченных ресурсов. Однако обращает на себя внимание то немаловажное обстоятельство, что в подавляющем большинстве странами с переходной экономикой взят курс на переход к *рыночному* развитию, в то время как мировые лидеры ориентированы на построение экономики *инновационного типа*, что в современных условиях далеко не одно и то же.

Приходится признать, что рыночно-конкурентная модель, бывшая популярной в практике современных технологически развитых государств конца XIX — начала XX в., в условиях *постиндустриальной, основанной на знаниях, инновационной по своей сути экономики* является безнадежно устаревшей. И действительно, если бы страны технологического авангарда по-прежнему ориентировались на рыночно-конкурентную модель, то в стремлении к совершенной конкуренции их национальные экономики все более и более представляли бы собой бесчисленные и количественно возрастающие множества средних, мелких и мельчайших конкурирующих друг с другом субъектов хозяйствования. Вместо этого лидеры мировой экономики почему-то демонстрируют тотальное укрупнение своих ведущих компаний и их превращение в мегакорпорации, которые сегодня уверенно распространяют свою монопольную власть не только на отрасль, в которой работают, но и на национальную, а порой и всю мировую экономику.

Специалисты отмечают, что в настоящее время дезинтеграционные процессы, ведущие к усилению конкуренции, в количественном плане на порядок уступают интеграционным, способствующим увеличению монопольной силы интегрирующихся экономических систем (бизнес-систем) и тем самым удаляющим национальную и мировую экономику от описанной в экономике рыночно-конкурентной идиллии. Так, в США в 1996—1997 гг. произошло 150 случаев разделения американских акционерных компаний, однако за это же время наблюдалось в 10 раз больше слияний, что однозначно отражает общие нерыночные тенденции развития национальной экономики ведущей державы мира [4]. В итоге сегодня каждая из 200 крупнейших американских компаний имеет в своем составе предприятия не менее 20 отраслей, причем 39 таких компаний действуют в 30, а 9 — в 50 отраслях производства [5]. Необходимо отметить, что указанные отнюдь не рыночные процессы монополизации и централизации характерны для всех лидеров мировой экономики. По оценкам экспертов Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в первой сотне «хозяйствующих субъектов» разного вида (стран и компаний) не менее 29 являются крупными транс-

Таблица 1.

Изменение совокупного экономического эффекта от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$ в зависимости от степени интеграции предприятий

Количество интегрированных в бизнес-систему предприятий n , ед.	Экономия от снижения себестоимости продукции в результате внедрения нововведения $n \cdot P_n \cdot (C_b - C_n)$, млн руб.	Затраты на исследования и разработки Z_{IR} , млн руб.	Вложения в освоение производства новой продукции $n \cdot Z_{OP}$, млн руб.	Совокупный экономический эффект от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$, млн руб.
1	1000	1000	100	- 100
2	2000	1000	200	800
5	5000	1000	500	3500
10	10 000	1000	1000	8000

национальными корпорациями (ТНК) ведущих стран Запада, а остальные — суверенными государствами [6].

Почему же вопреки рекомендациям Вашингтонского консенсуса (1989), нацеливающих реформы в переходных странах на «чудодейственную» рыночно-конкурентную модель развития, лидеры мировой экономики на практике демонстрируют отказ от нее в пользу монополий через тотальное укрупнение своих предприятий, их превращение в мегакорпорации и, следовательно, усиление централизации в принятии экономических решений? Ответ на этот вопрос дан некоторыми зарубежными и отечественными учеными, считающими, что, несмотря на многоцелевой эффект от интеграции субъектов хозяйствования, «... главная выгода американских компаний от проведения слияний в промышленности связана с экономией на долгосрочных разработках и создании новых видов продукции, а также на капиталовложениях в новые технологии» [7]. Это означает, что отказ в технологически развитых странах от базовых рыночных ценностей — хозяйственного суверенитета, конкуренции и ориентации на индивидуальный успех — в пользу интеграции и сотрудничества фирм обусловлен стремлением повысить их инновационную восприимчивость, то есть необходимость перехода к инновационной экономике. Иными словами, в современных условиях рыночно-конкурентный механизм существенно снижает инновационную восприимчивость субъектов хозяйствования, активно тормозит научно-технический прогресс, что делает рыночную модель хозяйствования принципиально неэффективной в условиях новой экономики.

Данный ошеломляющий вывод однозначно следует, например, из результатов исследований, проведенных под руководством профессора В.Н. Шимова в Белорусском государственном экономическом университете. Согласно несложной модели, предложенной белорусским экономистом А.А. Быковым, интеграционный (синергетический) экономический эффект от внедрения конкретного нововведения на n предприятиях может быть оценен на основе следующего выражения [8]:

$$\mathcal{E}_n = n \cdot P_n \cdot (C_b - C_n) - (Z_{IR} + n \cdot Z_{OP}),$$

где $\mathcal{E}_n$ — совокупный экономический эффект от внедрения нововведения, руб.; n — количество предприятий, внедряющих но-

вовведение, ед.; P_n — объем реализации продукции единичным предприятием, ед.; C_b и C_n — себестоимость производства и реализации единицы продукции соответственно по базовому и новому варианту, руб.; Z_{IR} — затраты на исследования и разработки, руб.; Z_{OP} — затраты на освоение производства новой продукции на единичном предприятии, руб.

Особенность приведенной формулы состоит в том, что в условиях информационной экономики у интегрированных в бизнес-систему предприятий появляется принципиальная возможность не дублировать затраты на исследования и разработки, а осуществить их всего один раз, централизованно, в связи с чем параметр Z_{IR} в отличие от величины Z_{OP} на n не умножается.

Пример: Нововведение на единичном предприятии обеспечивает снижение себестоимости единицы продукции на $(C_b - C_n) = 1000$ руб., однако его внедрение было связано с затратами на исследования и разработки $Z_{IR} = 1000$ млн руб. и освоение производства $Z_{OP} = 100$ млн руб. Рассчитать совокупный экономический эффект от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$ на 1, 2, 5 и 10 предприятиях ($n = 1, n = 2, n = 5, n = 10$), при условии, что объем реализации продукции на каждом единичном предприятии $P_n = 1000000$ ед.

В табл. 1 приведены результаты вычисления совокупного экономического эффекта от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$ на n интегрированных в бизнес-систему предприятиях. Результаты расчета подтверждают гипотезу о том, что рыночно-конкурентный механизм стал непреодолимым препятствием для научно-технического прогресса и процесса формирования инновационной экономики. Действительно, на единичном, ориентированном на индивидуальный результат предприятии указанная инновация неэффективна ($\mathcal{E}_1 < 0$) и, следовательно, не будет реализована ни на одном из множества конкурирующих друг с другом рыночных субъектов. Иными словами, рыночно-конкурентная среда оказывается невосприимчивой к крупным, серьезным инновациям. В то же время реализация одной и той же инновации на двух и более сотрудничающих предприятиях обеспечивает положительный экономический эффект, что делает такую нерыночную среду инновационно восприимчивой.

В итоге в условиях новой экономики, основанной на знаниях, когда стоимость получения новых знаний и осуществления НИР и

НИОКР стремительно возрастает, а издержки на их тиражирование благодаря информационно-коммуникационным технологиям сокращаются, рыночно-конкурентная модель быстро теряет свою актуальность. Это происходит по той причине, что в рыночно-конкурентной среде самостоятельные, ориентированные на индивидуальный успех, конкурирующие друг с другом многочисленные предприятия вынуждены столь же большое количество раз дублировать затраты на НИР и НИОКР с целью осуществления технико-технологических инноваций. В условиях неуклонного удорожания исследований и разработок нерациональное дублирование указанных затрат существенно снижает эффективность рыночно-конкурентного механизма, который оказывает все более и более тормозящее воздействие на научно-технический прогресс и потому отвергается технологически развитыми странами.

100—200 лет тому назад, когда стоимость исследований и разработок была невелика, интеграционный эффект от экономии на указанных затратах был незначителен, и потому именно рыночно-конкурентный механизм обеспечивал максимально эффективное использование дефицитных ресурсов. Сегодня же, когда затраты на научные изыскания составляют значительную часть (от 15 до 90%) общих затрат на производство и реализацию продукции, максимально эффективное использование ограниченных ресурсов осуществляется в условиях растущего обобществления производства, централизации управления и перехода к коллективным формам поведения субъектов хозяйствования, еще совсем недавно бывших непримиримыми конкурентами. Неслучайно некоторые западные специалисты сегодня ведут речь о революции в менеджменте, связанной с формированием экономических систем принципиально нового типа, эффективность которых обеспечивается не конкуренцией, а реализацией интеграционного эффекта на основе коллективизма, сотрудничества и централизации управления [9].

В конечном счете межгосударственная, ставшая глобальной конкуренция напоминает футбольный матч двух команд. При этом игроки одной из них действуют сообща, коллективно, учитывая установки тренера, «играя в пас» и страхуя друг друга, а игроки

второй — независимо, разрозненно, ориентируясь на индивидуальный успех, конкурируя друг с другом и желая во что бы то ни стало самостоятельно забить мяч. Очевидно, что исход такого матча predetermined. Вот почему страны, осуществляющие переход к рыночной экономике, как правило, неконкурентоспособны и заведомо проигрывают в темпах научно-технического развития тем, которые, по сути дела отказавшись от рыночно-конкурентных принципов хозяйствования, осуществляют переход к инновационной экономике.

Отсюда следует важнейший теоретико-методологический вывод о том, что инновационная экономика является качественно новой ступенью на пути эволюции экономических систем, следующей за рыночно-конкурентной моделью и во многом ее отрицающей. Представляется, что недостатки (точнее — провалы) в сфере формирования инновационной экономики в большинстве постсоветских стран [1] обусловлены тем, что Беларусь, Россия, Украина и другие ориентированы на заведомо не конкурентную в условиях экономики знаний рыночно-конкурентную модель, в то время как сегодня актуальна модель инновационного развития, основанная на совершенно иных закономерностях и принципах взаимодействия. Ничем иным, кроме как необходимостью перехода к инновационной экономике, не могут быть объяснены процессы образования и быстрого роста транснациональных и межнациональных корпораций, которые давно сделали мировую экономику нерыночной, похожей на директивно-плановую, управляемую из единого мирового олигархического финансового центра — своеобразного планетарного политбюро, или глобального госплана.

Разумеется, в целях сохранения своего лидирующего положения гранды мировой экономики кровно заинтересованы в том, чтобы развивающиеся и переходные страны шли по ложному пути построения именно рыночных систем хозяйствования, связанному с дезинтеграцией народнохозяйственных комплексов и национальной экономики, ее децентрализацией, упованием на «живительную» силу малого бизнеса и всепобеда конкуренции. Вот почему «нерыночная» Беларусь, отстающая по скорости ры-

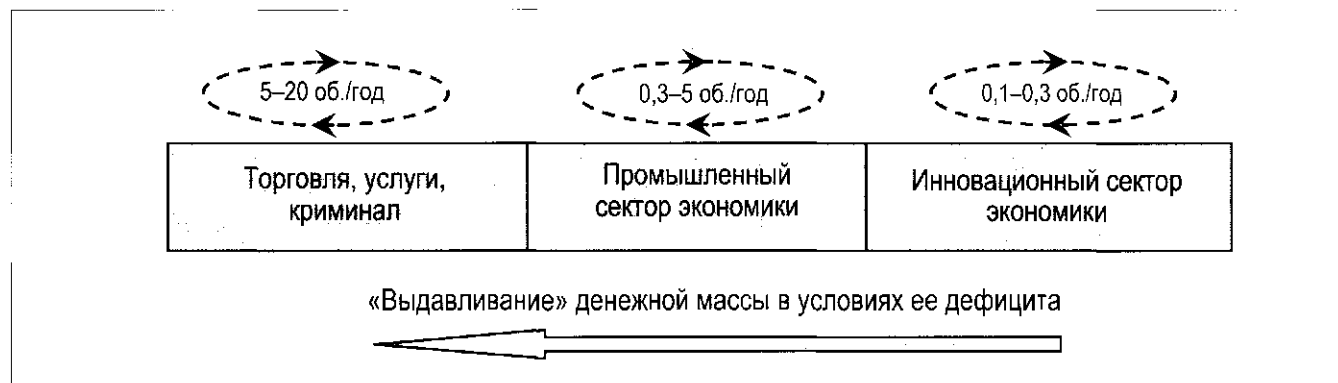

Рис. Перераспределение финансовых ресурсов между секторами экономики в условиях снижения коэффициента монетизации

Таблица 2.
Динамика коэффициента монетизации экономики K_m в разных странах мира. %

Типическая группа стран	Страна	Годы			
		1995	1998	2000	2002
Технологически развитые страны	США	57,3	60,1	62,2	69,6
	Япония	110,3	116,8	122,6	132,9
	Германия	67,6	73,5	99,3	101,9
	Великобритания	71,6	91,2	109,3	113,5
Новые индустриальные страны	Китай	103,8	133,6	152,2	182,4
	Сингапур	86,5	114,8	112,4	115,8
	Южная Корея	45,6	58,2	79,1	86,9
	Чехия	78,7	66,0	72,9	75,5
Новые члены ЕС	Словакия	62,0	60,4	66,2	65,3
	Венгрия	45,1	45,6	45,4	46,8
	Польша	33,9	39,9	41,3	42,7
Страны СНГ	Россия	15,4	17,2	15,8	19,7
	Беларусь	14,8	13,7	7,3	7,6
	Казахстан	10,7	7,7	11,2	13,2
Страны третьего мира	Аргентина	20,2	28,7	31,8	27,8
	Нигерия	16,1	18,2	21,1	26,9
	Танзания	25,1	18,4	19,2	21,9

Рассчитано по данным: Россия и страны мира. М., 2004. С. 69–71. 282–283

(Авторы могли использовать для расчета официальные статистические данные по России и Беларуси, в том числе и за 2005 г., которые незначительно улучшают общую картину, однако для корректности сравнения взяли сведения из одного авторитетного источника).

ночно-капиталистических преобразований от других стран СНГ существенно запаздывает и по степени деградации своего научно-технического и промышленного потенциалов. Действительно, в условиях безраздельного глобального господства нескольких западных мегакорпораций противостоять этим экономическим гигантам в конкурентной борьбе может только высоко интегрированная, централизованно управляемая (то есть построенная на тех же принципах, что и сами ТНК) национальная экономика. Все это с научной точки зрения в очередной раз обосновывает правильность и дальновидность экономического и политического курса руководства Республики Беларусь, не бросившего штурвал управления экономикой на произвол рыночной стихии и не ввергнувшего страну в шоковые рыночно-капиталистические реформы, главный выигрыш от которых всегда достается крупному (значит, западному) капиталу.

Научной общественности переходных государств давно пора осознать, что времена, когда А. Смит создавал свое великое учение о «невидимой руке» рынка и чудотворной силе конкуренции, безвозвратно канули в Лету, поскольку в наши дни отдельные ведущие западные мегакорпорации по своим финансовым возмож-

ностям в десятки, а порой даже и в сотни раз превосходят ВВП подавляющего большинства стран мира. При этом особый вред экономике и, прежде всего, промышленному и инновационному секторам переходных стран, по нашему убеждению, наносит взятое последними на вооружение праворадикальное направление либерально-рыночного «мейнстрима» — монетаристская теория, призванная окончательно изгнать государство из экономики и ограничить его роль манипулированием денежной массой и учетной ставкой. В итоге отстраненное от других рычагов управления экономикой государство в попытке обуздать инфляцию вынуждено искусственно ограничивать («сжимать») денежную массу, что в полном соответствии с количественной теорией денег приводит к «заваливанию» ресурсов в сферы с высокой скоростью обращения капитала из тех отраслей, где его оборачиваемость минимальна (рис.).

В результате искусственного снижения коэффициента монетизации экономики K_m (отношения денежного агрегата $M2$ к ВВП) инновационный и промышленный секторы экономики испытывают дефицит ресурсов, а приток последних в сферу услуг, торговли, криминала стимулирует массированный импорт запад-

ных товаров. Без жизненно необходимых финансовых ресурсов промышленность переходной к рынку страны деградирует, формирование инновационной экономики не идет дальше обычной риторики, в то время как западные ТНК расширяют рынки сбыта своей продукции, неумолимо превращая трансформирующееся государство в сырьевую провинцию с прикованным к «сырьевой тачке» населением.

О масштабности описанных проблем в России, Беларуси, Казахстане и других странах бывшего СССР свидетельствуют данные табл. 2, где отражена динамика K_m в разных регионах. Анализ приведенной информации показывает, что технологически развитые лидеры имеют значение K_m около 100%, новые индустриальные державы — 100 и более процентов, а успешно развивающиеся новые члены ЕС демонстрируют K_m около 50—70%.

Охарактеризованные в табл. 2 страны СНГ (у других членов Содружества ситуация не лучше) по исследуемому параметру (менее 20%) резко отличаются от движущихся в сторону постиндустриальной, инновационной экономики государств, соответствующих представителям «третьего мира» — аутсайдерам научно-технического прогресса.

Что интересно, отдельные белорусские чиновники прекрасно осведомлены о недопустимости сложившейся в монетарной сфере республики обстановке. В частности, при оптимальном значении коэффициента монетизации 60—100%, пороговом — не менее 50% и кризисом — не менее 30% его реальное значение в на-

шей стране в 2003 г. составляло лишь 9,5% [10]. К сожалению, в последние годы ситуация к лучшему существенно не изменилась, следовательно, в государствах СНГ (Беларусь — не исключение) монетарные факторы активно препятствуют формированию инновационной экономики. Действительно, любому экономисту совершенно очевидно, что в условиях острого дефицита финансовых ресурсов этот процесс неизбежно сведется лишь к риторике [11—13].

Таким образом, существенные и к тому же быстро растущие различия в уровнях научно-технического развития технологически развитых стран и государств с трансформирующейся к рынку экономикой обусловлены тем, что первые осуществляют переход к инновациям, в то время как вторые строят рыночные отношения. Следовательно, необходимость формирования инновационной экономики в Беларуси, России, Украине и других странах делает актуальной проблему решительного отказа от рыночно-конкурентной доктрины развития в пользу отрицающей ее модели экономики инновационного типа, выдвигает на передний план задачу замены господствующей рыночно-конкурентной научно-образовательной парадигмы на теорию ассоциативного поведения, экономической интеграции экономических агентов и формирования бизнес-систем. По крайней мере, этот вопрос требует специального глубокого научного исследования, поскольку печальный опыт перехода к рыночной экономике большинства стран бывшего СССР настойчиво наводит на мысль о том, что мы осуществляем действия в неверном направлении.

Литература

1. Байнев В.Ф. Научно-технологический прорыв как условие цивилизованного существования постсоветских стран в XXI веке // Наука и инновации, 2006, №7 (41). С. 43—48.
2. Байнев В.Ф. Неоколониальный проект Запада и роль монетарных факторов управляемого экономического кризиса в его реализации // Новая экономика, 2006, №7—8. С. 3—22.
3. Платонов О.А. Государственная измена. М., 2005.
4. Рид С.Ф., Лажу А.Р. Искусство слияний и поглощений. М., 2004.
5. Лунев В.Л. Характеристика управления рыночным хозяйством ведущих зарубежных стран // Бизнес-команда и ее лидер, 2004, № 2. С. 25—48.
6. Мясникович М.В. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь: источники и перспективы устойчивого роста. Мн., 2005.
7. Зименков Р. Зарубежная деятельность американских ТНК: стратегия, направления, формы // Российский экономический журнал, 2001, № 11/12. С. 36—48.
8. Быков А.А. Антикризисная стратегия предприятия: теория и методология исследования. Мн., 2005.
9. Кемпбелл Э., Лачс К. Стратегический синергизм: Пер. с англ. 2-е изд. СПб., 2004.
10. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. V Междунар. науч. конф. (Минск, 21—22.10.2004 г.). В 5 т. Т. 1. Мн., 2004.
11. Байнев В.Ф., Саевич В.В. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт. Мн., 2007.
12. Байнев В.Ф., Седлухо О.В. Инновационная экономика и роль монетарных факторов в ее формировании // Финансы, учет, аудит. Мн., 2006, № 9. С. 2, 14—18.
13. Байнев В.Ф., Седлухо О.В. Вероятные сценарии развития научно-технической и инновационной сферы страны с трансформационной экономикой в зависимости от характера монетарной, кредитно-денежной и фискальной политики государства // Новая экономика, 2006, №11—12. С. 3—25.